

100 РОЖЕВА

МУЖСКОЙ

СТРИТИЗ

Татьяна 100 Рожева

Мужской стриптиз (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436180
Мужской стриптиз: Авторское; 2012*

Аннотация

«Чем короче произведение, тем меньше вранья» – сказал кто-то из великих мужчин. В выборе жанра виновата правдивость повествования и принцип «один мужчина – один рассказ». Длинней или короче, эротичней или романтичней... Все как в жизни. Мои инструменты познания личности – общение и секс. Узко, скажете Вы? А Вы прочтите! И если не Ваше мнение, то Ваши добрые читательские глаза непременно расширятся!

Содержание

Ответы на F.A.Q. и (часто задаваемые вопросы)	4
Рассказы	7
Человек – говно	7
Случайная связь	27
Сожженная скрипка	48
Энергия желания	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

100 Рожева

Мужской стриптиз

Рассказы и повесть

Ответы на F.A.Q. и (часто задаваемые вопросы)

Почему 100 Рожева?

Сторожева – это фамилия, под которой все «школьные годы чудесные» я подскакивала на щербатом стуле от фраз: «открываем страницу СТО...» и «вам дебилам, СТО раз повторять?» Зато теперь «СТО рож» – именно то, что Вы в этой книжке найдете. Надеюсь, Вам будет нескучно. Не зря ж я сгребала их в кучу! В рифму? Это случайно! Стихов не пишу. Я пишу «срисуйки». Сунула нос в чужую жизнь, срисовала и высунула. Нос в занозах, но это не останавливает пытлившую меня, ибо нет ничего более увлекательного и непредсказуемого, чем живой человек. Никакой выпускнице литкурсов, ни на какой кухне не придумать того, что придумывает ЖИЗНЬ вне отапливаемых помещений и литературного образования.

В жизни – за каждой «рожей» своя, особенная история. А

рож...ну Вы уже догадались... СТО!

Почему мужской стриптиз?

Я люблю мужчин. В этом уже неприлично сознаваться, смущенно розовея под голубым небом, но это так. Даже строгая оливье, я не могу отказать себе в удовольствии сложить из морковки и двух вареных яиц композицию «женское счастье» и помедитировать. Я люблю мужское тело, устройство мужских мозгов, вечный двигатель желания и небритые уши охотника, торчащие из самых безобидных комплиментов. Мне нравится путешествовать по планете «Мужчина» без скафандра и охраны. Интерес и презерватив – все, что я беру с собой в эти путешествия. Первое нужно всегда, второе – как правило. И еще я люблю слушать. Может, поэтому мне любят рассказывать. А, рассказывая, невозможно не раздеться. Душевно или физически... Вспомните сами – когда открываешь душу, рука поневоле тянется к гольфику. И своему и собеседника...

Почему рассказы?

«Чем короче произведение, тем меньше вранья» – сказал кто-то из великих мужчин. В выборе жанра виновата правдивость повествования и принцип «один мужчина – один рассказ». Длинней или короче, эротичней или романтической... Все как в жизни. Мои инструменты познания личности – общение и секс. Узко, скажете Вы? А Вы прочтите! И если не

Ваше мнение, то Ваши добрые читательские глаза непременно расширятся!

Ваша 100 Рожева

Рассказы

Человек – говно

– Слушай, а кто этот симпатичный мужик с большими яйцами? Так смотрит на меня..., – спросила я у знакомой в тренажерном зале. – Знаешь его?

– Его тут все знают. А тебе лучше его не знать.

– Почему?

– Говорят о нем... много всякого...

– Ой! Интересно! И чего говорят?

– Ну, я слышала, что он порнушку снимает, с наркоманами связан, трепло страшное, ни одну бабу не пропускает, а потом трепет об этом на всех углах. В общем, человек – говно.... Не надо тебе его.

– А ты откуда все это знаешь? Сама знакома с ним?

– Сама – нет. Говорят...

Я незаметно сунула голову в дверь тренажерного зала. «Человек – говно» бродил среди тренажеров, весело болтая с тренером. Убранные в хвост густые черные волосы, стильные очки, широкие плечи, свободные штаны и нечеловеческого размера яйца. Близорукий Отец индейцев. Совесть и яйца нации.... Не может обойтись без очков, но явно обхо-

дится без трусов, а то бы парный мужской орган выглядел собранной. Почувствовав взгляд, индеец обернулся и, улыбувшись, подмигнул мне. «Говно, да еще и наглое какое!» – смутилась я и прикрыла дверь, но зарубка на косяке в моем отделе эротических приключений была уже поставлена...

В следующий раз появившись в зале, «человек – говно» по прямой, то есть по кратчайшему расстоянию, направился ко мне.

– Привет! Ты когда закончишь? – Спросил он, словно мы старые знакомые и вчера виделись.

– Привет. Только начала. Часа через полтора.

– Отлично. Закончишь, набери меня, я буду ждать в холле.

– А слово «нет» тебе ни разу не говорили что ли? – Обалдела я от его наглости.

– Какое слово? «Неет»? – Переспросил он с акцентом, словно «нет» было словом из древнего иврита. – А что оно означает? – Он по-детски засмеялся, – тебя ведь Таня зовут?

– Да.

– А меня Сережа! Очень нравишься. И давно. Не откажешь в удовольствии угостить тебя чашечкой кофе? – Он застыл в умоляющем книксене.

«Вот говно!» – с восхищением подумала я и ответила почти равнодушно:

– Ну, жди...

– Запиши мой номер, плиз. Наберешь, я перезвоню, что-

бы ты не тратилась.

Увидев меня в холле, он радостно раскрыл объятия:

– Наконец то! Радость моя! Пять минут только о тебе и думаю!

– Всего пять?! Тогда не доставлю удовольствия угостить себя!

– О, моя королева! Сжальтесь! Я обычно вообще не думаю! А в эти томительные минуты – что не встало, то пересохло! – Он склонил голову и его черные волосы, освобожденные от хвоста, растеклись по плечам.

Мы рассмеялись.

– Ты мне правда давно нравилась, – сказал он, когда мы выпили за знакомство, – сзади особенно. Да! Я смотрел! Помнишь Мягков в «Иронии судьбы»? Да! Я ел! Я все не знал, как к тебе подойти.

– Да ладно! Ты и не знал?!?

– А что ты так удивляешься? Я только с виду мачо, а на самом деле очень стеснительный и неуверенный в себе человек. Но «мужчина приятный», как обо мне говорят, – скромно потупился он.

– Я слышала, что о тебе говорят.

– И что?

– Да так... Много хорошего. А это правда, что ты порно снимаешь?

– Я? Порно снимаю? – Он красиво тряхнул волосами. – Нет, конечно! Скажешь тоже! До такого я еще не дошел... Я сам снимаюсь.

– В смысле? – Не поняла я.

– Я снимаюсь в фильмах. Я актер.

– Актер порно? Серьезно?

– Да. А что тебя удивляет?

– Ничего. Но я думала, порнография – дело молодых! Ты мужчина хоть куда, но все-таки... Сколько тебе лет?

– Сорок три.

– И ты два часа можешь ипаца, то есть, прошу прощения, сниматься?

– Во-первых, там этого не требуется. Съёмки и готовый фильм – разные вещи. И потом, только я это и могу. Молодые приходят с горящими глазами – только давай, 15–20 минут и все, пар вышел весь. А старый конь, прошу любить и жаловать, может сколько надо, когда надо и как надо. Потом, часто требуется играть характерные роли. И надо быть, помимо всего прочего, просто хорошим актером. Недавно вот играл хозяина заведения, куда мужья приводят своих юных неопытных жен обучить сексу. У меня по сценарию было две помощницы, и мы втроем их учили всему и по-всякому.

– А кто сценарии пишет?

– Сценарист, как в обычном кино. Хороший сценарий – половина дела. Часто сами клиенты заказывают, так сказать, воплотить свои эротические фантазии на экране, ну и есте-

ственно, оплачивают это. Некоторые хотят, чтобы их жены или любовницы играли главную роль. Вот мы и делаем такое хоум-видео с профессиональным качеством. Кстати, сценарий про секс-пансион для неопытных любовниц – такой клиент заказал. Крупный чиновник, между прочим, в правительстве сидит. Реально со сдвигом мужик. Сам актеров отсматривал, на всех съемках сидел, нравилось ему смотреть как его нимфетку из Ростова всем коллективом. Еще подсказывал по ходу.

– Когда же он работал то? На страну?

– Съемки по ночам проходят. Наверно, днем на заседаниях спал с открытыми глазами. Они все там спят, по-моему. Нам бы побольше таких клиентов. Даже сметы не проверил ни разу. Сколько сказали, столько и выложил. Бабло то государственное...

– Да ладно, не завидуй.

– Ни разу! Абсолютно! Я своим делом занимаюсь. Получаю удовольствие.

– А что за женщины снимаются? С какой мотивацией? Что, действительно любят секс?

– Это как в анекдоте – чем отличается педагог от педофила – педофил действительно любит детей.... Женщины разные. И мотивация разная. Кто-то за деньгами, кто-то из любви к искусству. Иногда странные такие бывают. Пришла тут одна, говорит, хочу сниматься, на все готова. Ну, окей, начали работать. Уперлась вдруг посреди съемок – не встану

так перед камерой и все тут! Так – буду, а так – не буду! Режиссер орет уже – ты актриса! Сказано тебе – раздвинь губы и держи, пока не скажу «стоп», значит, раздвигаешь и держишь! Надо очком в камеру – значит надо очком в камеру! С зажимами своими дома сидите!

Сережа выждал паузу, чтобы прочувствовать культурный шок, который должен был случиться со мной от его раскрепощенности. Не увидев шока, вдруг спросил:

– Ты то замужем?

– Не, давай сначала о тебе. Ты женат?

– Сейчас нет. С последней женой Машкой семь лет прожили.

– Она какая у тебя по счету?

– Третья.

– А дети?

– Сын от первой жены. Шестнадцать лет. Горе мое.

– Что с ним?

– Слабовольный и слишком кайф любит. Весь в отца. Только у отца мозги есть, думать, куда лезть, а куда не надо, а он дурак дураком... То с травой его менты возьмут, то сам в говно, у друзей каких-нибудь зависнет. Вот папа его то с иглы, то с девки снимает, то с милиционерами идет договариваться. С полюционерами, как они сейчас называются. Беда, в общем...

– А мама его где?

– У мамы новый муж. Строит отношения. Ей не до ребен-

ка. Он у меня болтается. Сейчас собираюсь в клинику его пристроить для наркоманов. Может, там помогут...

– Вам горячее сейчас или попозже? – Официантка «за тридцать» кокетничала с Сергеем изо всех своих дамских возможностей, усиленных средним кулинарным образованием. Ее соусный взгляд состоял из двух недвусмысленных ингредиентов: «какой мужчина!» и «за что этой суке?»

– Несите сейчас, голубушка, – по-барски произнес объект ее вожделения эротичным басом, умопомрачительно ей улыбнувшись.

– Одну минуточку! – Покраснела официантка и ушла, вильнув на вираже откормленным задом, уверенная в его «непокобелимой» сексуальности.

– Вот так всю дорогу отбиваешься? – Посочувствовала я.

– И не говори....Любят меня бабы...

Увидев счет, Сережа заметно погрузнел.

– Помочь? – Предложила я.

– Нет, нет, у меня хватит, – вскинул он темные брови над очками. – Я тут, кстати, работаю недалеко.

– Это здесь кино снимают про очко в камеру?

– Очко, очки и тапочки..., – засмеялся Сергей. – Нет. У меня есть официальная работа.

– ???

– Есть организация, помогающая заключенным, что назы-

ваются, находиться в заключении. Поддерживает их морально и материально. Они пишут письма со своими запросами и чаяньями, им отвечают.

– И о чем пишут?

– Кто о чем. Просят помочь, размышляют, даже стихи пишут. Такие интересные бывают письма...

– А можно посмотреть? Хотя бы некоторые.

– Да не вопрос. Пойдем.

– Сейчас?

– Конечно. Ключи у меня с собой.

Мы вышли из кафе под завистливые взгляды женщин всех возрастов. Пройдя перекресток и две улицы, оказались в ничем не примечательном здании, а затем в полуподвальном помещении, напоминающем застенки НКВД. Сергей впустил меня в одну из комнат за массивной железной дверью с узким зарешетчатым окном под потолком. Внутри комнаты находились три стола. Два завалены бумагами, на третьем чайник и открытая коробка из-под торта с засохшими крошками. Он кивнул на стул и протянул пачку писем.

– Садись, читай.

– Все? – Испугалась я. – Боюсь, я испорчусь от такого количества тюремного фольклора. Дай мне сам самые интересные. Ты же их знаешь.

Он порылся одной рукой в куче писем как курица лапой в навозе.

– Ну, вот это можно. И это. Вот еще хорошее. И вот. И вот. Ну, хватит пока.

Я углубилась в чтение.

Просьбы, немудреные рассказы о быте, такие же незатейливые мысли, кажущиеся их авторам откровениями...

Он протянул мне еще один конверт.

– Вот этот стихи пишет, за убийство сидит.

– Интересно...

Я аккуратно достала из конверта сложенный вчетверо листок в клетку, исписанный почти девчоночьим почерком. Буквы кругленькие, с задранными хвостиками и старательно связанными шнурочками. На листке с одной стороны стихи:

Как странны изменения судьбы,
Сначала вроде все идет по плану
Затем удар и ты уже не ты.
Бывают у нее свои изъяны

Все дело в том, что главное – понять
Зачем живешь, к чему стремишься, любишь.
И наслаждайся днем сегодняшним, кайфуй.
Ведь завтра ты его уже забудешь.

А не забудешь – грош тебе цена
Не стоит вспять глядеть годам минувшим
Ведь эта жизнь тебе дана одна
Живи сегодняшним, ни прошлым, ни грядущим.

Что помнишь о себе, когда проснулся ты?
Лишь то, что память о тебе нарисовала
Ее узоры в нашей голове – простые импульсы
Ни много и ни мало.

Пойми одно, что есть лишь Пустота
И ты творишь в ней то, что пожелаешь
И может быть свободен лишь тогда
Когда ответов на вопросы ты не знаешь...

Я встала со стула, чтобы избежать несварения тюремной поэзии, и почувствовала Сережину руку сзади между ног.

– А это кто разрешал?

– Ты сладкая такая. Попробуй меня, девочка... Не разочаруешься...

Я повернулась к нему лицом.

– А под хвостом тебя не почесать?

– Почеши..., – он взял мою руку, положил себе на гульфик.

Ощущение, что трогаю сквозь мешок овощи. Кабачок и пару спелых помидоров.

– Ты что, трусов не носишь?

– Нет.

– И тебе удобно?

– Я привык.

– Джинсы стираешь каждый день?

– Я не протекаю..., – он провел пальцем по моим губам,

погрузил палец в рот.

– Ну, ну, не расходитесь, товарищи, – отвернулась я. – И вообще. Здесь гнетущая обстановка.

– Поехали к тебе? – Сразу обрадовался он.

– Ко мне нельзя.

– Ко мне тоже. Я с бабкой живу.

– С какой бабкой?

– Ну, с женщиной в возрасте. Сплю с ней, не плачу за съем хаты. Но она то уверена, что у нас отношения... Привести не могу никого. Скандал будет, без угла останусь. Ты же меня непустишь к себе?

– Нет.

– Ну вот.

– Ты не москвич?

– Москвич. Я из хорошей семьи мальчик. Родители живут в собственном доме за городом, и квартира есть. Я не хочу с ними жить. Маман до сих пор пытается контролировать все и всех. А в моей квартире жена первая живет с новым мужем. Он отличный парень. Все мои жены после меня очень удачно выходили замуж...

– Так твоя фамилия Талисман?

– Можно и так сказать, хотя у меня другая еврейская фамилия. А почему к тебе нельзя?

– Я слежу за моралью перхоти на моей подушке.

– О как. Понятно.... Так значит, нет?

– Нет...

– Ну что ж, я тебя так и отпущу сегодня? – Расстроено протянул Сергей, взяв меня за руки. – Можно хоть до метро провожу?

В метро его очки превратились в два ватных диска. Но он словно не замечал этого.

– У тебя очки запотели, – подсказала я. – Тебе так удобно?

– Очко, очки и тапочки, – снова пошутил он, уставившись на меня матовыми стеклами. – У тебя когда был секс последний раз?

– Смотря, что ты называешь сексом.

– Что ТЫ называешь сексом?

– Что я, – три года назад было.

– А что потом? Расстались с ним?

– Нет, но слова одни.... Так хочу тебя, все встает, когда думаю о тебе.... Но совершенно некогда. Абсолютно!

– Да, да, – закивал Сергей, страшно хочу, но никак не могу, – знаю я таких мужиков. Это ебанат натрия, бросай его, ничего не будет.

– Думаешь? Но ведь было же...

– Он охладел, а сказать прямо ссыт. Типа мы в ответе за тех, кого вовремя не послали...

– Спасибо за совет.

– Ну, может, в гостиницу? – Робко спросил Сережа.

– А у тебя деньги есть?

– У меня нет.

– И у меня нет. Видишь, как просто вопрос решился....
Ну, пока...

Мы снова увиделись недели через две. Он появился в зале и сразу кинулся целоваться. Я не успела среагировать, как его язык со словами «О, кого я вижу!» был уже у меня во рту.

– А я пришел тебя увидеть! Знаю, что ты здесь! – Сообщил он радостно. – Пойдем, посидим? Я угощаю!

Мы сели в том же кафе.

– А я женюсь! – Похвастался он с довольной улыбкой.

– В какой раз?

– Официально во второй.

– Ну, это немного. Поздравляю! Влюбился?

– Она влюбилась. Хорошая девчонка.

– Девчонка? Лет двадцать?

– Тридцать два. Но она маленькая такая, худенькая... ебу и плачу! – Он посмотрел на меня знакомым взглядом, предлагающим оценить его свободу выражения.

– Ну, расскажи, где ты ее взял?

– Да я давно ее знал, ну год может. Она сначала с другом моим мутила. Я не лез, хоть видел, какие взгляды она кидает на меня, на лицо мое brutальное, на яйца мои богатырские. Приходили вдвоем с другом на пьянки к ней, она в посольстве работает, а там всю дорогу халявная жрачка на ниве культурных связей. Потом, смотрю, мучается девчон-

ка, выбрать не может. «Слева кудри токаря, справа кузнеца». У моих родителей пластинка была такая... Ладно, думаю, ждем-с. А неделю назад умирает отец у нее. Она звонит мне – Сережа, помоги. Матери у нее давно нет, отец только был. Осталась совсем одна. Ну, я организовал и возглавил. Смотрю, девчонка все мягче, обнимает, спасибо, спасибо, не уходи Сереженька, так и висит на мне. Я говорю – у меня сейчас с деньгами не очень, она аж испугалась – бери, сколько тебе надо! Деньги не проблема! Ну как ее такую оставишь... После похорон три дня не трогал. Она сама и ласкает и жмет-ся... Взял ее, она в слезы. Такого счастья от секса никогда, говорит, не испытывала. Женись на мне, пожалуйста, – сама попросила.

– Везет тебе на баб.

– Это да... Все говорят. Всю жизнь везет. Но знаешь, везенье везеньем, а вкладываться надо в правильные проекты, перспективные. Вот я вложился, теперь в шоколаде. Так что я сейчас верный муж, как ни скучно это звучит.

– Да ладно! Я еще понимаю – свобода и равенство – атавизмы, но бля...во что, тоже отменяется?

– Да! – Выдохнул он с видом херувима и почти засветился. – Я не буду ей изменять, – он поднял глаза, прикидывая, потом перевел взгляд в туманную даль, удерживая слезы умиления. – Месяца два!

Я молчала, придавленная его порядочностью. Он истолковал по-своему.

– Ты не обижайся, ладно? У нас с тобой все равно бы ничего не вышло. Мы бы топили друг друга...

Я чуть не съела салфетку, которой вытирала губы.

– Да я и не рассчитывала на тебя, если честно. Вот зуб даю!

– Ну, я так просто сказал. Я тебе позвоню через пару месяцев? Сходим куда-нибудь?

– Если тебя отпустят.

Он взял мою руку, поднес к губам.

– Ты чудо...

Еще через месяц он, увидев меня в зале, сразу бросил клич:

– Привет! По кофейку пойдём? Я жду!

– Ну, как ты, молодожен? – Спросила я, подойдя к нему в холле.

– ПАстАянна пьем чинзано, ПАстАянна сыто-пьяно, о, йеесс! – Пропел он, обняв меня. – Я так рад тебя видеть!

– Вид то помятый у тебя... Мачизма убавилось, зато вон в золоте весь! – Заметила я серьгу в ухе, толстенную цепь на шее и браслет на руке размером с кандалы.

– Она выкупила все мое золото.

Мы направились в кафе знакомой дорогой.

– Кстати, у тебя деньги есть? – Поинтересовался он за пять метров до входа.

– Тебе что, не выдают карманные?

– Ну... там все сложнее оказалось, чем я предполагал. В общем, сегодня я пустой. Угостишь меня? По-дружески... Я же тебя угощал!

– А тебе непременно кофе? Вода не подойдет? Горячая!

– Вот ты сука! – Засмеялся он. – Ну, правда, сегодня совсем пустой..

– Ладно. Угощу. Но только кофе! Никаких деликатесов! Макарон по– флотски, котлет по– киевски, мяса по–французски и прочего такого.

Сергея обиженно тряхнул волосами.

Пока я смотрела меню, он смотрел на меня голодным взглядом. В его глазах стояли слюни.

– Ты голодный что ли?

– Нет, я плотно позавтракал.

Время было – начало шестого.

– Мясо по-французски, блинчики с шоколадом два раза и два кофе, – продиктовала я официантке, в этот раз похожей на ученую рыбу из института изучения теплокровных семейства «хомо эректус». Она с глубоководным интересом рассматривала Сергея прозрачными глазами, пока я диктовала заказ.

– Ну что там у тебя с твоим? – Спросил Сергей, как только ученая рыба уплыла в глубину зала.

– С которым?

– Ну, с тем, с которым никак.

– Никак. Расстались.

– Он или ты? – Спросил он тоном профессионала.

– Я.

– Что сказала?

– Смс написала. «Не пиши мне больше»

– И все?

– «Пожалуйста» прибавила.

– Прибавила все-таки? – Уточнил он из-под очков как доктор.

– Да.

– И что он?

– Больше не пишет.

– Он просто охладел. Прими это. Когда мужчина хочет, он находит и время и место и что жене сказать. Поверь мне.

– Согласна. Но не верю. Не тебе, а в то, что он...

– Это больно, я понимаю. – Он взял мои руки в свои. – Я сегодня в восемь лекцию читаю об иудаизме. Приходи, послушаешь, какие-то ответы для себя найдешь.

– Ты?!? Лекцию об иудаизме? Ты это сказал или у меня слуховые глюки?

– Сказал. Да, вот так теперь. Я же еврей.

– Ты решил пойти к богу?

– Любая дорога это дорога к богу. Даже та, которая от него, все равно к нему, просто длиннее... Я верю в Бога Авраама, Исаака и Иакова, который силою чудес и знамений вывел сынов Израиля из Египта, и питал их в пустыне, и дал

им в наследие землю Ханаанскую, проведя их сквозь море и реку Иордан чудесами великими; в Того, кто послал к ним Моисея с Торой Своей, а после него – тысячи пророков, которые взывали к Торе, свидетельствуя о награде для соблюдающих и о наказании для преступающих ее. – Проговорил Сергей как по написанному. – Танька! Там столько бабла крутится, ты себе не представляешь! Просто валится с неба! Все это спонсорство еврейское – настоящая золотая жила! Но я не поэтому там, конечно. Духовное развитие очень важно для мужчины. Я начал в это углубляться и чувствую – мое! Вот уже доверили лекции читать.... Придешь?

– Я очень рада за тебя, Сереж. Но у меня, кажется, с духовным ростом проблемы. У меня свидание в восемь.

– Да ну! С кем? Новье?

– Ага.

– Переспали уже?

– Нет еще.

– А чего тянешь?

– Зрею. Да и он такой... аристократ.... Не хочу с тобой в гостиницу, говорит, хочу тебе кофе в постель подать и чтобы за окном каштаны цвели...

– Красиво. Это он на Париж намекает?

– Пока на Киев.

– А то, что он аристократ, откуда знаешь?

– Он сам рассказал. Раскопал свои корни.

– Сам рассказал? – Брезгливо поморщился Сережа. – Бро-

сай его, это ебанат натрия!

– Да нет, не думаю... Он и сказал то так, невзначай. Не специально притащил меня в общепит, чтобы впечатлить корнями.

– Так ты без секса сидишь, девочка? Каштаны то еще не скоро зацветут..., – догадался Сергей.

– Ага.

– Давай я тебе полижу? По-дружески..., – он сказал это так просто, как предлагают другу пирожок.

– Спасибо, Сереж. Я тронута твоей заботой, но это не наша секция.

– Не любишь куни?

– Неа..

– Любишь пожестче? За волосы? Наручники? Плетка? У меня все есть!

– Здорово. Но я потерплю. Подожду натрия...

– Ну, мой телефон у тебя есть, если что, я твой!

– Если что, обязательно...

Когда я расплачивалась по счету, он смотрел на меня почти с любовью. С такой же, как на него смотрела официантка, похожая на ученую рыбу. Перед ней был редчайший, красивейший самец семейства «хомо эректус».

Мы вышли из кафе под одинаково завистливые взгляды женщин разных возрастов.

– Ты сейчас куда? – спросил он.

– Домой. Переоденусь в каблуки и на свидание.

– А я тебя ни разу не видел на каблуках.

– Увидишь еще, какие твои годы... Жена вон и то, всего лишь вторая.

Он рассмеялся и обнял меня, сразу ввернув в меня язык со вкусом мяса по-французски, блинчиков с шоколадом и кофе.

– Ты все-таки звони, не забывай... Я правда часто думаю о тебе. Одной рукой держу твою фотографию, другой рукой скучаю по тебе!

– Меняй руку...

Мы улыбнулись друг другу и разошлись в противоположные стороны...

Случайная связь

Мне оставалось дожарить морковку с луком для супа и доварить его для семейства. Еще загрузить в стиральную машину белье и посуду в посудомойку. Еще помыть унитаз и перебрать гречку. Золушка блин... Полгода без бала.... Пока жарилась заправка, я залезла в ноутбук. Если бы у золушки был на кухне ноутбук, она бы непременно вывесила на сайте знакомств: «познакомлюсь с состоявшимся принцем, склонным к обувному фетишизму». И принцы завалили ее просьбами отдать туфлю. Ну, так что у нас там с принцами? А, вот!

Некий «Александр, 50» пишет на своей страничке: «Хочу познакомиться с уравновешенной, стройной девушкой в возрасте от 20 до 45 лет для нечастых (1–2 раза в месяц), непродолжительных (2–3 часа) встреч на моей территории (квартира в районе м. Динамо) с целью занятия сексом при взаимной симпатии. Материальная поддержка – 5000 руб. за встречу. При отсутствии взаимной симпатии – оплачиваю девушке такси и мы прощаемся. Уважительное отношение и чистоплотность гарантирую. Хорошо владею своим телом. Нравится доставлять девушкам удовольствие, а также заниматься сексом чувственно и неспеша»

Я в задумчивости помешала деревянной мешалкой лук с

морковкой в сковородке и ей же почесала за ухом. Интересно... А что? Чем не бал? Написано грамотно. И «чемнебал» звучит, как забытый глагол... Я еще раз посмотрела фотографию Александра, на которой загорелое мужское тело (голову видно не было) правило доской под парусом, вытерла руки о фартук и ответила: «Попробуем?»

«Александр 50» сразу отозвался: «Добрый вечер. Благодарю за то, что уделили мне внимание. Если Вас заинтересовало предложение, изложенное в моей анкете, то хочу предложить Вам обменяться телефонами, чтобы было проще договориться о встрече. Если Вы не против – сообщите и я вышлю Вам свой номер телефона. Можете прислать мне Ваш телефонный номер, тогда я сам Вам перезвоню. Заранее благодарен, Александр».

Я перечитала два раза. Не иначе, как доктор философских наук, профессор и аристократ в седьмом колене сошел с ума от воздержания. Интерес перемешивался у меня с возбуждением как лук с морковкой в заправке для супа. Я написала телефон.

Он позвонил на следующий день.

– Здравствуйте, это Александр, – услышала я приятный мужской голос. – Благодарю за то, что доверили мне свой номер телефона. Вам удобно разговаривать?

– Вполне. Здравствуйте, Александр.

– Я рад, что вы откликнулись на мое предложение.

– А что, на такое лестное предложение мало откликов?

– Немного.

– Да что вы!

– Представьте, это так. И я этому рад. Здесь ведь главное грамотно составить запрос. Зачем мне пять тысяч откликов? Что я с ними делать буду? Мне нужна одна. И вы откликнулись. Я предпочитаю количеству качество.

– Тем более в этом деле количество в качество никогда не переходит, – подпела я.

– Согласен с вами. Именно поэтому я стараюсь ставить четкие цели и задавать понятные формулировки.

– Да уж... смысл обстреливать весь сарай, если мишень на двери висит, – пустилась я в образные рассуждения.

– Предлагаю перейти от теории к практике, – остановил меня Александр. – На этой неделе – среда, четверг, пятница. Когда вам удобно?

– Среда.

– Договорились.

– Александр, я бы хотела встретиться на нейтральной территории. Если нас стошнит друг от друга, пусть это неприятность произойдет на улице.

– А Вы на машине?

– На метро.

– Хорошо. Где бы вы хотели встретиться?

– У метро, например.

– Окей.

Его голос волновал... В нем слышалась уверенность в себе, в том, что он говорил и в том, что собирался делать. Я решила окончательно – в среду еду! Так! В солярий и на эпиляцию, чтобы не быть белой и пушистой, и набойки, обязательно набойки на каблучки! – составила я план действий. Остатков заначки от прошлого гонорара должно было хватить на красоту в масштабе одноразового спасения моего мира.

В среду днем он позвонил, выдав очередной образец любви:

– Здравствуйте! Это Александр. Мы с вами договаривались о встрече сегодня. Я звоню уточнить, в силе ли наша договоренность?

– Да. Я буду к пяти.

– Очень хорошо. До встречи.

Без трех минут пять, когда я поднималась по эскалатору, он позвонил еще раз:

– Это Александр. Вы где?

– Уже поднимаюсь.

– Отлично. Я ставлю машину и сейчас подойду к вам.

Я вышла из метро на пустынный пяточок, оккупированный палатками с быстрой едой. Быстрая еда, быстрый секс... И то и другое оставляет тяжесть в организме и ощущение зря потраченного времени и денег. Я еще посмотрю, кто сей-

час придет, а то лучше и обратно... – размышляла я, глядя на улыбающегося мужчину, идущего прямо ко мне. Высокий, загорелый, спортивный. Вязаная шапочка не вяжется с приталенным пальто. Надел, чтобы из машины выйти, наверно. Бережет мозги. Улыбается белыми зубами и ямочкой на массивном подбородке.

Я застыла от удивления.

– Привет. Я Александр. Ну, так что? Так и будем стоять?

– Нет. Привет.

– Так пошли?

– Далеко?

– К машине. Вон стоянка.

– Я так и думала, что придет или что-то убогое или наоборот.

– А я какое? Убогое?

– Скорей наоборот.

Он улыбнулся и ускорил шаг. Я ковырялась по льду на каблуках без поддержки, пытаюсь сохранять изящную походку. Парного катания не получалось.

– Я не быстро иду? – Обернулся он.

– Ну, так...

– Простите, привычка.

– А я подумала, вы весь район уже тут окучили и стесняетесь дать мне руку, чтобы нас не видели вместе.

– Нет, конечно. Вам сюда. – Он кивнул на правую дверь внедорожника Мерседес. – Пристегнитесь, пожалуйста.

– Далеко ехать?

– Нет. Проедем вон тот парк и все. Запоминайте.

– Адрес скажите. На всякий случай. Мало ли...

Он посмотрел на меня.

– Ленинградский проспект, дом 6. Бойтесь?

– Нет.

– Почему?

– Не думаю, что вы решили сварить из меня холодец, и поэтому пригласили. Вы не похожи на маньяка.

– Думаете, маньяки как-то отличаются от обычных людей? – Он холодно улыбнулся.

– Думаю, да. И потом, Вы мне по голосу сразу понравились.

– Голос можно поменять, попросить кого-то позвонить...

– Да... это мне как-то в голову не пришло...

– Напрасно...

Мне стало немного не по себе...

Во дворе дома он припарковал машину.

– Мы приехали. – Александр обошел машину и подал мне руку. – Ну, как настроение?

– Противненько...

– Уже? – Засмеялся он.

– Мы одни будем? – Уточнила я.

– Одни. Я не люблю это. И холодец не ем. Не бойтесь.

Квартира на высоком первом этаже начиналась лестницей из пяти ступенек вверх. Он вошел и сразу снял шапку, под которой оказалась темно-русая кудрявая шевелюра с прямым шапкой чубом. Сняв пальто, он остался в темных брюках и облегающем сером свитере.

– А меня-то будете раздевать? – Поинтересовалась я.

– Обязательно.

Он снял с меня пальто, не дотронувшись до тела, словно я была раскаленная.

– Вам тапочки дать?

– Ну, если они без грибка.

Он возложил к моим ногам кожаные шлепки, как цветы к монументу неизвестному солдату. В новой обуви я сразу отправилась на осмотр помещения. Холостяцкая квартира. Хорошая мебель, хороший ремонт, одна, но огромная комната с 3-х, а то и 4-х спальней кроватью, массажным столом и плазмой на стене. Кухня без обеденного стола. Ванной нет. Душ и туалет... Я вымыла руки...

– Что будете? Чай? Кофе? – Услышала я его голос с кухни.

– А какой чай?

– Не знаю. Сейчас посмотрим, – он открыл шкаф. – Есть черный, зеленый, зеленый с жасмином, это что...? – он повертел в руках коробку, – А, все.

– А кофе?

– Кофе... Вот только такой, – он сам с удивлением рас-

смаатривал незнакому банку. – Ну что?

– Чай. Зеленый.

– Хорошо. Кстати, не хотите цветы? – Он кивнул на букет в металлической раковине в банке, стоящей посреди картофельных очисток.

Я с недоверием покосилась на предложение.

– Это хорошие цветы. Берите. У нас же свидание...

– Очистки то надо было выбросить от картошки... – пожурила я кавалера.

– Это не очистки. Это я цветы обрезал, не успел выбросить. Так возьмете?

– Нет. Спасибо. Придумывать потом, откуда у меня цветы... лень врать..

– А есть, для кого придумывать?

– Ну да.... И вообще... Цветы дарят, когда добиваются женщину. В нашем случае это бессмысленно.

– Вы так думаете? Тогда чай...

– А где мы будем пить чай? У вас стола даже нет...

– Да. Стола нет. Он мне не нужен. Я почти не бываю здесь.

– А как же утром выпить чашечку кофе? Или вечером чашечку чая?

– Не пью здесь.

– А где?

– В заведениях общественного питания, – он улыбнулся, – все давно организовано. Что к чаю? Конфеты? Шоколад? Сахар?

– Шоколад.

Он в задумчивости открыл холодильник, вынул коробочку с темной ягодой, протянул мне.

– Будете?

Я опознала в ягоде чернику, сильно заждавшуюся, пока ее употребят.

– Черника?

– Голубика.

– По-моему, она уже пару дней отдыхает тут, – скривилась я невоспитанно.

– Она еще пару недель до этого в магазине отдыхала. Прощу в комнату. Я все принесу.

В комнате я присела на 3-х, а то и 4-х спальную кровать, ассоциирующуюся с выражением «квадратный многочлен». Кровать простиралась слева до зеркального шкафа, а справа к ней, словно щенок к суке, притулилась низкая коротконогая тумбочка. В углу валялся бумажный светильник, младший брат того, что освещал неживой телевизор, и вдвоем с которым они занимали половину противоположной стены. Оставшуюся половину съедал массажный стол с дырой для лица или для яйца – смотря, какого размера эти части тела и как это тело расположить. В зеркале огромного шкафа, отражающем кроме нас с тумбочкой, еще два зашторенных синих окна, я видела себя, скромно сидящую на краю кровати. Я включила младшего брата большого бумажного светильни-

ка. Он осветил угол комнаты, в котором было на удивление чисто. Дубовый паркет и плинтус под шторной юбкой ограничивали пространство благополучия. Я находилась внутри него. По другую его сторону, за окном, рабочие разгружали Уазик, взбадриваясь короткими матерными призывами. Я закрыла пластиковую створку окна, и звук остался с той стороны благополучия. Без звука это было немое жизнеутверждающее кино про неутомимых загорелых парней.

– Вы закрыли окно? – Спросил Александр за спиной.

– Да.

– Хорошо.

Я вернулась на край кровати. Коротконогая тумбочка была сервирована: чашка с чаем, клубника, шоколад, виноград, терпеливая голубика и стакан воды.

– А почему чашка одна? – Удивилась я, – а Вы?

– Я буду воду.

Он сел рядом. – Пробовали такой шоколад?

Я взяла в руки плитки. Линдт. С перцем и манго, с перцем и гранатом, черный 99 процентов какао...

– С перцем и манго мой любимый...

– Я рад. Вы смотрите на меня с таким ленинским прищуром. Что – то не так? Вот прыщ вчера вскочил, прошу прощения. – Он тронул пальцем маленькое красное пятнышко на щеке.

– Прыщ я не заметила. Пытаюсь вас прочесть.

– И как результат?

– Ваша тяжелая челюсть напрягает, конечно...

– Ломброзо почитывали? – Хмыкнул он.

– Было такое, каюсь.

– И что вы об этом думаете?

– Спорно, но сермяга есть.

– То есть я все-таки похож на маньяка?

– В общем, да.

– Бойтесь?

– Ну... так...

– А ведь здесь ори не ори, никто не услышит. И не придет. – Проговорил он, наклонив голову ко мне.

От этих слов клубничина у меня во рту встала колом.

– Анекдот такой есть, – улыбнулся он, продолжая, не мигая смотреть на меня. – Из тех времен, когда 50 рублей были большие деньги. Вы должны их помнить, эти времена.

– Помнить должна. Но не помню, – ответила я, пытаюсь размять во рту клубничный кол.

– Ну, так вот, – продолжил он, – женщина захотела туфли за пятьдесят рублей, а денег нет. Тут мужик возьми да и предложи – давай со мной за пятьдесят рублей? Женщина подумала – подумала и решилась. Подруге похвасталась. Вернулась вся в синяках. Что случилось? – подруга спрашивает. – Сволочь он! Бил, пока за рубль не согласилась.

Я пропихнула внутрь себя клубничину, так колом и упавшую.

– Хороший анекдот. Оптимистичный. А главное, смеш-

ной...

– Расслабьтесь. Моя челюсть ни о чем не говорит. Слышали, как Валуев разговаривает? Интеллигентнейший человек. У него видели, что с лицом? Это бокс профессиональный дает такой отпечаток. Гормоны, препараты и прочее.... Так что бояться не надо.

– Я не боюсь. Я первый раз пускаюсь в такую авантюру, а новичкам везет.

– Вы первый раз? Серьезно?

– Да.

Я продолжала смотреть на него как кролик на удава.

– Что вы еще видите на моем лице? – Спросил он.

– Вижу, что тремя минутами в сексе не обойдемся, несмотря на ваш преклонный возраст.

– Не обойдемся, – согласился он, ухмыльнувшись. – А как вы это определили?

– На лбу написано.

– А что там еще написано?

– Что вы теряете контроль над собой.

– Когда?

– Не на работе, конечно. Во время секса.

– Нет, тут вы не угадали.... Вкусный шоколад?

– Да. И клубника тоже. Знаете что? Я не буду больше угадывать и не стану вас ни о чем спрашивать. Я в прокуратуре не работаю. Хотите, расскажите сами о себе, что сочтете нужным.

Он не спеша глотнул воды и произнес:

– Ну, я москвич. Родился здесь. Но сейчас живу и работаю в Томске. Были когда-нибудь там?

– Нет.

– А слышали про такой город?

– Конечно.

– Вот. В основном, я там. У меня жена и дочка. А здесь я бываю раз или два раза в месяц. Ну... а о себе вы что расскажете?

– Ничего. По-моему так лучше. То, что я в прокуратуре не работаю, вы уже знаете.

– Я кстати, бывал в этом заведении и не раз. Был свидетелем однажды забавного опроса. «Вы такого то знаете? – Спрашивают у человека. – Знаю, – отвечает тот. – Телефончик сообщите? – Разумеется! – Отвечает он и продолжает говорить о другом. – Ну, так телефончик сообщите? – напоминает следователь. – Разумеется! – И снова о чем-то...» И так по кругу в течение двух минут...

– У вас была экскурсия по прокуратуре? У каждого экспоната по две минуты?

– Нет, я в очереди сидел. – Александр встал. – Ну, я считаю, что диалог у нас сложился. Я пошел в душ.

– Да. А музыка есть у вас?

– Музыки нет. Телевизор только.

– Давайте. Только не программу о случайных связях.

Он улыбнулся, потыкал пульт.

– Я не смотрю его, он не настроен. Ну вот, вроде поют...

Я успела сунуть в рот и прожевать еще одну клубничину, как он уже вернулся голый, в полотенце на бедрах.

– Ого! – Не удержалась я от восторженного возгласа. У него было отлично отработанное тело профессионального спортсмена. – Повернитесь, пожалуйста.

– Так? – Он встал боком ко мне.

– Медленно!

Он с улыбкой, медленно повернувшись, показал себя.

– И задом! – Не унималась я. – Супер!

– А вы? Пойдете в душ?

– Ну...да..

– Полотенце я вам положил там.

Когда я вернулась, он полулежал на кровати. Странное и будоражащее ощущение... Чужой, незнакомый, но очень притягивающий мужчина. Так наверное, чувствует себя сошедший с ума магнит. И притягивается и отталкивается одновременно.

Мы начали почти без возбуждения. Но постепенно оно наполняло наши незнакомые тела, сближая их. Член у него был слишком большим...

– Вам не больно? – Привычно спрашивал он, видимо давно смирившись, что под его размер женщин не делают. Я положила его на спину и села сверху.

– Да, – сказал он, закрыв глаза. – Так вам удобнее будет контролировать глубину проникновения...

Его губы были полуоткрыты.

– Целоваться не будем. Мы же с Вами незнакомы, – сказала я.

Он засмеялся, перевернул меня на спину и вошел на весь размер, сразу испугавшись: – Не больно?

– Уже нет...

Через час он спросил:

– Вы не устали? Я кончу, как только вы скажете мне кончить.

У меня сбилось дыхание: «Ох, ни х... себе, самоконтроль!» Я решила тут же проверить.

– Хочу сейчас!

– Хорошо, – ответил он и, сделав несколько заключительных движений, кончил.

«Вот это конь из-под принца!» – шевельнулась у меня мысль. Шевелить чем-либо еще я уже не могла.

– Я сейчас вернусь, и продолжим, – сказал он вставая.

Я только восхищенно промычала в ответ, как мычат коровы, неожиданно-негаданно угощенные посреди голодной зимы отборным клевером...

Меня угостили отборным мужчиной с отборным членом! Этот самый член, лежа на животе своего хозяина, упирался головкой в пупок и был похож на воина в шароварах и

шлеме. Форма члена – мой пунктик. Не люблю член-гриб с наспех нахлобученной шляпой, и не люблю с тонкой шеей, похожего на стрелку, указывающую направление удара главных сил противника. Не люблю похожих на...

– Вы вновь бодрый? – Вошел Александр в мои членские размышления в том же полотенце.

– Да. Чаю хочу.

– Пейте. И шоколад берите, – улыбнулся он и сел рядом.

– А клубники больше нет?

– Клубники нет.

Я глотнула остывшего чая и положила за щеку шоколад. Он поднес руку к моей голове и стал гладить меня по волосам... С такой нежностью... Интересно, кому она предназначалась? Жене? Любимой девушке? Вряд ли ведь мне... Я закрыла глаза, чтобы не видеть его взгляда, он остановил пальцы на моей шее, и я услышала:

– Вот так раз... и все... Маньяк – он ведь получает удовольствие от чужой боли, его не остановишь мольбами о пощаде. Только больше возбудишь. Вы ничего не сможете сделать...

– Ну почему же ничего? Я пошопроотивляюсь, – прошепелявила я с шоколадом во рту.

– Это бесполезно, – снисходительно улыбнулся он и чуть сжал пальцы на шее. – Ладно. Не бойтесь. Сделать вам еще чая?

– Нет, не надо. Налейте сюда кипяточка.

– Хорошо.

Он вернулся с полной чашкой. – Продолжим?

– Да.

Второй раз был с окончанием на массажном столе. В дырку для лица или для яйца я видела большой бумажный светильник, плавающий в моем сознании шаровой молнией, не зависимо от того, открывала или закрывала я глаза. Александр кончил, когда я попросила... Интересно, это показательные выступления или так везет некоторым женам? – подумала я с завистью.

– Устали? – Заботливо поинтересовался он у моего рухнувшего на кровать тела. Сев рядом, он стал ласкать мне спину, слегка касаясь кончиками пальцев кожи, словно она раскаленная... Я повернулась и взяла его за каменные ягоды.

– Класс! Железный Феликс!

– Ну, вы же этого хотели? У вас же там написано – живот с костями не предлагать, – серьезно пояснил он.

– Ну, да. Этого. Ну что? Еще раз по чайку и на третий раз? – Игриво спросила я с тем выражением, с которым спросила бы корова «а клевер еще остался?»

– По чайку можно. С остальным – все. Не сегодня, – спокойно ответил он. Я в душ.

Через пять минут он вернулся в брюках и рубашке, взял

меня за руки.

– Вам все понравилось?

– Да. Все было замечательно. Так замечательно, что теперь я думаю, где тут подвох. Ну, должен же он быть! Может, это прикорм был, как на рыбалке? Знаете, в первый раз рыба с опаской следит из-за водорослей за вкусным мякишем. Самая глупая подплывает. На следующий раз уже многие чавкают. Слухи о халяве по средам быстро расходятся по заводи. И в следующий раз уже все, даже самые осторожные, без всякой задней мысли набрасываются на хавчик. Все. Цель достигнута. Можно приходить с динамитом.

– Это вы к чему так художественно?

– Ни к чему...

Александр снисходительно улыбнулся.

– Я не рыбак. И верю, что вы не служите в прокуратуре. Там оперируют менее образными текстами.

Я взяла с коротконогой тумбочки чашку, чтобы отнести ее на кухню.

– Не надо. Я все сам уберу! – Запротестовал он.

Когда я, одетая, вышла из ванной, он растерянно стоял посреди комнаты. Я обняла и поцеловала его.

– Мне действительно все очень понравилось, Александр.

– Правда? Я рад. Мне тоже...

Мы начали целоваться, и я почувствовала, как волна нового желания, уже без всяких тормозов поднялась во мне с

новой силой до самых ушей...

– Так. Понятно. Это по кругу. – Отстранилась я. – Мне пора.

– Я положил вам в сумку..., – сконфуженно произнес он.

– Что? Аа... Да, спасибо.

– И на такси. Здесь по третьему кольцу до вас двадцать минут.

Я застегивала сапоги с новыми набойками, а он смотрел на меня как лошадь из стойла, от которой уходит наездница. Или мне хотелось, чтобы он так смотрел...

– Как вы на этом сайте оказались? – Задала я мучавший меня вопрос.

– Мне знакомая подсказала, что есть такой сайт. Посидел, анкеты женские полистал, почитал, что пишут... И такая я и сякая и разэтакая, избирательная, а за тысячу евро согласна на что угодно. Какая же это избирательность? Избирательность это когда пришла, увидела, сказала – да пошел ты, развернулась и ушла. Верно? Я ведь специально такую сумму незначительную указал – пять тысяч рублей, с расчетом на то, что деньги для женщины не будут иметь решающего значения. Чтобы за идею, так сказать... А ту, которую за тысячу евро хоть в окно голую выкидывай, мне не надо. Это не интересно. И потом, мне нужна уверенная в себе женщина. Фраза «не понравимся друг другу, такси и расстаемся» – рассчитана на неуверенных. Такая сразу подумает: а вдруг я

не понравлюсь? Ехать обратно? Нет уж!»

– Точно! Мне даже в голову мою наглую не пришло! – Со-
врала я. – Как это я и не понравлюсь! Быть такого не может!

– Вот что значит правильный расчет, – он отступил вглубь
комнаты, приглашая. – Может, войдете?

– Да нет, спасибо..., – заколебалась я, – я уже в сапогах,
и вообще, мне пора...

Помогая мне надеть пальто, он проговорил почти отече-
ским тоном:

– Курточка у вас легкая совсем. Холодно же...

– Нет, мне всегда жарко...

– Еще раз спасибо и возьмите такси, пожалуйста.

– Хорошо. Так и сделаю. Счастливо...

Я вышла на улицу с намерением взять такси, потом пред-
ставила рядом дядьку, воняющего табаком и ролтоном, и пе-
редумала. Счастье и одиночество острее всего в толпе. А тол-
па – в метро. Я направилась через сквер к светящейся букве
«М». Светились мы с ней сейчас одинаково. Чтобы занять
пустую голову, стала придумывать фразы на М. «Меня оты-
Мели» – нет, не то и неправда... «Мама Мыла раМу»... –
сбой в системе... «Моя попа удовлетворила тягу к приключе-
нияМ дня на три». Правда, но слишком длинная... «Мы
моряки брюки широки» – эта к маме с рамой и врачу... «Мы
маньякИ члены велики» – вылечила фразу пустая голова.

Возле метро светились теплом и паром палатки с быстрой едой. Над ними краснела «М» как маяк в море случайной еды, случайных знакомств, случайных чувств и закономерных проблем со стулом и крышей....

«Мне было хорошо с ниМ...» – сложилось, наконец, предложение, лишённое каких бы то ни было усложнений....

Сожженная скрипка

«Он пригласил меня в музей, хоть был мне не сестра» – изгалялась я над старым советским стихом, шагая к Пушкинскому музею мимо нового храма Христа спасителя, все равно напоминавшего памятник белотелым посетителям бассейна в золотых резиновых шапочках.

К Пушкинскому музею я шагала на свидание. Мы зацепились друг за друга в сети крючками мнений о живописи, выяснили, что оба любим импрессионистов, и он пригласил меня на выставку в Пушкинский. Кстати, вопрос, почему музей изобразительных искусств носит имя поэта, всегда меня занимал. Вот его и задам ценителю художественного искусства с антихудожественным ником «Нормальный парень». Отличный вопрос для знакомства. Говорит обо мне и дает возможность поговорить ему, – решила я и прибавила шаг.

Крупного брюнета в очках, в лихо закрученном вокруг шеи бордовом шарфе, именно такого, как он себя описал, я увидела издалека. Он прохаживался возле входа, перекатываясь с пятки на носок, словно крупная птица, и поглядывал на часы. Я опаздывала. Высвистывать в голове познания в орнитологии, чтобы вспомнить птицину фамилию, было некогда.

– Здравствуйте. Вы – нормальный парень?

– А я уже дал повод сомневаться в моей нормальности? –

Посмотрел он на меня сквозь стекла очков.

– Это Ваш ник, извините. Я Нанэ.

– Ах, да! Прошу прощения! Здравствуйте! Меня зовут Лев. А вас? Кстати, почему Нанэ?

– На «нэ» моя фамилия. Как в институте выкликали по списку – «кто на «нэ»? – я на «нэ». Все просто. А зовут Татьяна.

– Очень приятно. И в таком случае я «на Е»....

– Вы «нае» или вас «нае»? – Не удержалась я от шутки.

Он склонил голову набок, как делают только умные птицы и старые львы, и произнес:

– Чаще я, надеюсь.... А вы намного симпатичней своей фотографии.

– Спасибо. Вы тоже симпатичней того пеликана, что у вас вместо фото. Кстати, почему? Фото пеликана, зовут Лев, ник «нормальный парень». Зачем нормальному парню Льву скрываться за чуждым ему пернатым?

Он пожал плечами.

– Не задумывался. Поставил первое, что оказалось под рукой. Какая разница, чье фото. Главное при общении...

– Вы правы. Рада, что вам пришла в голову идея пригласить меня в Пушкинский. Честно говоря, сто лет здесь не была.

– А вы москвичка?

– Да. Но импрессионистов видела последний раз в Пари-

же, два года назад.

Он нахмурился:

– На Монмартре одни арабы...

– И наташи...

– Он был монтёром Ваней, но в духе парижан, себе присвоил звание – электротехник Жан... А я не против проституток, особенно если она Эдит Пиаф.

– Вы всех проституток заставляете спеть? А вдруг Пиаф?

– Я толерантен.

– Толерантен, пунктуален, адекватен.... Сегодня смог, сэр.

– Сказал попугай попугаю – попугай, я тебя попугаю. Ну что ж, отвечал попугай. – Попугай, попугай, попугай...

«Мы со старушками – смотрительницами, пожалуй, можем с ним и не справиться», – подумала я и сделала полшага в сторону.

Лев улыбнулся.

– Да, я сумасшедший... Беседер...

– Это диагноз?

– Согласие... Берите меня голыми руками... Я вообще открытый человек. Подходи, бери, уноси...

– Килограмм сто пятьдесят, поди, раз такой смелый?

– Вот тут подкачал. Всего девяносто пять.

– Все равно много. Придётся идти своими ногами.

– Я – за. Пойдемте, нас ждет храм искусства!

В храме искусства он кивнул милиционерам на входе как родственникам, и тут же занял очередь в кассу.

– Вы тут как родной, Лев.

– Да. Я тут часто бываю. Мне после этого хорошо... Меня очищает их искренность и грусть... я так не умею...

– Вы рисуете?

– Нет... Я имел в виду, так жить не умею....

– А я так и живу, мне кажется. То есть, так мир вижу, стоит только прикрыть глаза...

– Внутри – да, а так, вечно кого-то приходится изображать... Не люблю себя за это.

– Смотря как к этому относиться. Можно же это делать внутри. Тогда, даже весело от собственной многослойности...

– Конечно можно, но как научиться не краснеть?

– Решать вопросы в бане.

– Это уже сюрреализм.

– И даже андеграунд.

– Я предпочитаю регги.

– Как насчет джаза?

– Раньше я любил ходить в «Толстый Мо». Давно не был. Я просто раньше рядом жил...

– Сейчас рядом с Пушкинским живете?

– Почему?

– Не знаю... Ходите.

– А мне, честно говоря, не нравится в Пушкинском. Зря

они золотые цепи снимали и красные пиджаки.

– Что снимали? – Не поняла я.

– Что? – Переспросил он.

– Какие цепи в Пушкинском снимали?

– Как какие... Ох, я перепутал музей с рестораном, – смутился он. – Только сейчас дошло.

– Вы еще раньше перепутали художественные направления с музыкальными.

– Для меня андеграунд это джаз... Два билета, будьте добры. – Лев сунул большую голову в половинку обруча кассы.

Напротив напудренного лба кассирши сообщалось, что соотечественникам билет в музей обойдется в пять раз дешевле, чем уважаемым гостям Российской Федерации.

– А ведь так возникает приятное чувство гордости за свое гражданство, правда? – Спросила я.

– Редкий случай, когда гражданином России быть выгодней, чем американцем, – заметил он, ссыпав мелочь в карман брюк.

– Вы американец?

– У меня двойное гражданство.

– А почему я не вижу ни одной вывески по поводу импрессионистов? – Огляделась я.

– Потому что их здесь нет.

– А зачем мы здесь?

– Здесь забавная выставка на втором этаже. Но можно и по

классической экспозиции пройти. Освежить, так сказать. Она, правда, закрыта частично.

Мы отправились освежать классическую экспозицию. Лев целомудренно брал меня под локоть, воспроизводя шепотом мне прямо в ухо и наизусть информацию с табличек возле экспонатов, не хуже электронного гида. Даже лучше, если учесть тактильные ощущения. Большая часть классической экспозиции действительно оказалась закрыта на реконструкцию. На первом этаже действовали лишь Греция, Рим и частично Египет. Из трех источников и трех составных частей мировой культуры осталось два с половиной. Сквозь этот неполноценный базис проросла на второй этаж выставка «Мастера французской афиши», в которую Лев уверенно ввел меня за локоть.

– Сюда бы тем надо, кто не считает рекламу искусством. Потому и имеем то, что имеем – Прошептал он в ухо. – Обратите внимания на качество графики!

Я обратила. Выставка состояла из французских афиш и рекламных плакатов начала прошлого века. На них жили своей рекламной жизнью, завораживающей легкостью бытия, самые различные персонажи. Уснувшая за работой белошвейка на фоне ночной Эйфелевой башни в открытом окне являла собой лекарство от анемии, а забинтованный с головы до ног механик – до сих пор не выздоровевший символ

известного производителя шин. Вокруг скакали в канкане зазывные улыбки, затянутые в корсет талии и прочие части женских тел в кружевах, притом, что все это твердо стояло на службе продвижения товаров и услуг. Художественный уровень работ восхищал.

– Современным дебильным авторам «сникерсни» поучиться бы, как не выпасть из времени и говорить на одном языке с потребителем, – плюнул в мое ухо Лев порцию пота.

– Да, – тронула я ухо, – лучший рекламный шедевр все-таки создала природа – женское тело. Годится для рекламы чего угодно!

– Реклама должна создавать образ, возбуждающий желание иметь. И иметь немедленно. Ничего лучшего, отвечающего этой задаче, чем женское тело, действительно нет, – обстоятельно объяснил Лев, деликатно кашлянув.

– Ну, значит, лекарство от анемии было съедено французскими мужчинами без остатка, – пробурчала я себе под нос, проходя мимо старушек-смотрительниц, неподвижно сидящих на стульях, словно плохая реклама лекарства от анемии для сфинксов из Египетского зала.

– Спасибо! Замечательная выставка! – Раскланялся со старушками Лев, и у левого сфинкса в седых кудельках дернулось веко.

Западное искусство вместе с импрессионистами находи-

лось в соседнем здании, в Галерее искусства стран Европы и Америки XIX–XX вв. Мы направились туда. Пришлось снова находить конец у очереди в кассу, предвкушая наплыв патриотических чувств, ибо и здесь Родина оценивала нас со Львом в пять раз дороже зарубежного гостя. Из этого гостя и состояла очередь. Иностранцы в шортах и нездешней живостью в глазах законопослушно построились друг за другом. Мы нашли последние шорты и заняли очередь, но вдруг свет в окне с непонятным для зарубежных гостей словом «Касса» погас, и арка закрылась картонкой с еще более непонятной надписью «Технический перерыв – 10 минут». Из стеклянной будки, щелкнув замком, выплыла кассовая душа размера XXXL и раздвинув толпу, двинулась прочь. Строй в шортах недоуменно переглядывался вслед удаляющейся кассирше, раскачивающей крутыми бедрами и без того шаткую гордость за самую культурную столицу мира.

– Вот совок! – Раздраженно сказал Лев. – Ненавижу!

– Судя по запаху, рядом буфет. Можно сходить посмотреть, чего там есть, – предложила я мирный выход, потянув носом. – Десять минут уьем.

Дезориентированные необилеченные иностранцы готовым строем пошли с нами.

Буфетом назывался школьный класс с запахами и криками. У «доски» с перечнем блюд, написанных в столбик, как пример по математике, дородная учительница выкликнула ба-

зарным голосом: «Заказывайте!», «Еще что?», «Ве-ер! Пиццу дава-ай!». Столики-парты были укомплектованы стульями для борьбы со сколиозом и одной пузатой солонкой на три парты. В открытой двери внутреннего помещения еще несколько теток грели пиццы, рубили салаты и гремели посудой. Почему-то все происходящее я стала воспринимать глазами иностранцев: столбик «меню», накарябанный почерком районного педиатра, крики разгоряченных человекопотоком теток, грохот вываливаемой в раковину посуды, запах прокисших тряпок, одна солонка на три стола... Сбившиеся в кучку зарубежные гости оторопело свыкались с нашей реалией.

– Они же не смогут ничего тут купить. Может, вы можете им, Лев? – Предложила я из самых человеколюбивых побуждений.

Лев посмотрел на меня как Павлик Морозов на папу.

– Мне там никто не помогал. И вообще, я устал от английского. Не хочу. Сами разберутся. Вы что-нибудь будете?

– Пожалуй, нет. Если только бутылку воды без газа и уйти отсюда...

Через двадцать минут мы со Львом все-таки погрузились в атмосферу чувственных впечатлений, то есть импрессионизма.... Первая картина, заставившая меня перестать сочувствовать иностранцам в России, был «Натюрморт с букетом летних цветов» венгерского художника М. Мункачи. Во-

преки традиции умильности этого жанра, он изобразил трагедию: еще вчера полные жизни, насильно согнанные в букет, сдавленные, ломающие руки-стебли, его цветы обречены умирать напоказ...

Я поделилась впечатлением со спутником.

– Да. Неплохо.... Продуманное световое решение. – Ответил он. – Ощущение присутствия. Довольно удачно...

Световое решение действительно было продумано. Приглушенный свет выхватывал сюжет каждой картины, не бликая на поверхности и погружая в изображаемое художником время и пространство. Реальное ощущение Парижа от «Парижа на рассвете» и «Парижа ночью» Луара и холодно от «Мороза в Лувесьене» Сислея... Лишь «Руанский собор» Клода Моне играл со светом по собственным, только ему и его гениальному автору ведомым законам...

– У нас с Моне есть общая тайная страсть. – Призналась я. – В детстве я в Пушкинский ходила только ради нее. Картина «Чайки (река Темза в Лондоне, здание Парламента)» называется. Не знаю, есть ли она теперь здесь...

– Ну, если не продали..., – отозвался Лев.

Мой фиолетовый обморок ждал меня в соседнем зале. Странно... Я уже взрослая тетенька, а чайки, Темза и маяк в сиреневом мареве завораживали также как в детстве.... Казалось, еще немного и я начну покрываться веснушками и вспоминать, какой завтра первый урок...

– Это она? – Спросил Лев.

– Она.

Он постоял напротив, склонив голову набок, как делают умные птицы и старые львы, и произнес:

– Со зданием парламента у Моне целая серия полотен из тридцати семи, по-моему, холстов. Это одно из них. Мне ближе Пикассо. «Старый еврей с мальчиком». Вон она.

Я с неохотой переключилась с детства на старика. Картина соответствовала названию. Старик и мальчик со всей скорбью еврейского народа смотрели на посетителей.

– Что вам нравится в этой картине, Лев?

– Мудрость в глазах старика.

– Глупый старый еврей – вообще редкое явление природы... А мне у Пикассо больше нравится скрипка...

– Не люблю кубизм...

Выставка заканчивалась стеклянным монолитом, в котором навсегда застыли останки настоящей сожженной скрипки. В отличие от разъятой на кубы, но не утратившей целостности скрипки Пикассо, эта, художника Фернандеса Армана, сгорела почти полностью, сохранив лишь намек на очертания. Казалось, обуглившиеся куски дерева, черные нити струн и угли колков держались вместе лишь для того, чтобы последний раз уже не пропеть, а прошептать о хрупкости всего прекрасного... Шепотом, который громче крика...

– Давайте пообедаем? – Предложил Лев.

– В том замечательном буфете?

– Нет, зачем же. Я не поклонник экстрима. Здесь недалеко неплохой ресторан.

Сев за столик, я почувствовала, как устала и проголодалась. В ресторане было уютно и солонки на каждом столе...

Лицо Льва выразило удовлетворение.

– Уфф... У меня даже ноги гудят с непривычки. Давно столько не ходил. В Штатах на машине все время.

– А в России пешком?

– Здесь ездить некуда.

– Вы на пенсии?

– Мечтаю...

– О плеле и качалке?

– Ещё не знаю, но к работе я потерял интерес... Все захлестывает жлобство.... Или мне это кажется?

– А жена?

– Что жена?

– Ходит вместе с вами?

– Их нет у меня. Мы развелись. Обычная история. Уехали в Америку, поняли, что в новых условиях легче выживать по одиночке и расстались. Она там замуж вышла за «нашего американца» из эмигрантов. А я вот мотаюсь туда-сюда. Там дела, здесь сын.

– Сын с вами?

– Да. Я ее убедил отказаться. С помощью аргументов и

денежных средств, – хмыкнул он. – Без «хвоста» женщине легче выжить. У них общая дочка родилась. Такая вот история грустная и банальная. Не везет мне с женами. Всю жизнь мечтал о художнице. Так и не встретил... Первая жена была балерина, бредила сценой. Помните у Хармса – «горло бредит бритвою». Готовить не умею и не буду, ребенка не сейчас, служу искусству. Развелся. Нашел «фотографиню», почти художница, думал... А у нее в голове пиксели одни и доллары. Больше ничего... Не везет мне....

– А что бы вы делали с художницей?

– Не знаю.... Покупал бы ей краски...

Он снял и положил на стол очки, потер намятую переносицу. Я поймала себя на том, что только сейчас рассматривала его. Его бордовый шарф как пароль «мы с тобой одной крови» для не встреченной художницы обнимал полную щетинистую шею. Крупные губы, мясистое лицо, скрытые ресницами и бровями темно-карие глаза без блеска, ничего не выражающие угли заросшего травой кострища. Он ел механически, без эмоций, словно еда была безвкусной.

– Вкусно? – Проверила я предположение.

– Что?

– То, что вы едите...

– Вполне. – Ответил он пресно. – А что?

– Нет. Ничего.

– Мы завтра встретимся? Вы свободны?

– Завтра вряд ли. Может быть, в выходной.... Не знаю

еще.

– В выходные я с сыном. – Лев вынул из внутреннего кармана пиджака фотографию. – Вот. Доказательство. Это мы на футболе.

Я взяла в руки фотографию. Серьезный «папа» в очках, с сыном, на трибуне стадиона. Тот же лихо закрученный бордовый шарф, карточка «ВИП» на животе, всклокоченная голова болельщика и рядом мальчик лет десяти. Картина «отец болельщик с мальчиком».

– Хороший ребенок, хороший папа, – вернула я фото.

– Это еще жена снимала...

– Это тот же шарф?

– Нет, другой. Тот жена дарила, а этот я сам купил.

– Точно такой же. Зачем?

– Не задумывался над этим...

Я занялась десертом. Работа по отделению клубничин от сливок и их обоих от толстого рыхлого бисквита требовала сосредоточенности. Этот кусок мокрого хлеба, обмазанный сливками и залепленный ломтиками клубники, и был, по словам официанта «чем-нибудь легким и нежирным». Вот оно жлобство, которое все захлестнуло, думала я, ковыряя кусок...

– Бывают женщины похожи на чуть привядшие цветы, но этим ты ещё дороже..., – вдруг произнес Лев.

– Ну да... Осетрина не бывает второй свежести, а женщины бывают. Так я и не скрываю возраст. К чему эта ваша сентенция?

– Не моя, а поэта Светлова, я лишь хотел намекнуть на сегодняшнюю картину, возможно, сделал это неуклюже. А стихи хорошие... и цветы красивые... Вспомните Тарковского и не ведите себя как маркшейдер.

– Ладно. За незнание строчек поэта Светлова – стыдно, честное пионерское.

– Стыдно это хорошо. Мне нравится, когда женщине стыдно. Вы любите секс?

– А что? – Оторвалась я от десерта.

– Ничего. Просто спрашиваю.

– Качественный люблю.

– Качественный это какой?

– Качество – понятие растяжимое. Можно долбиться три часа и останется ощущение, что недодали, а можно быстрее освободиться, и икать потом неделю от одного воспоминания.

– Научите?

– Не помню, чтобы объявляла набор на курсы. Может, с памятью что?

– Вы опять набрасываетесь?

– У вас женщины делятся на добрых дам и злых недам?

– Ну что вы право, просто я хотел выразить солидарность. Не люблю мудачек, берутся некоторые и не делают, как поло-

жено. А вы купите фаллоимитатор. Я подарю вам батарейки. Пусть эта музыка будет вечной, если я сменю батарейки....

Десертная ложка залипла в мокром хлебе от неожиданности предложения.

– Спасибо. Вы настоящий джентльмен, Лев. Вечная музыка в раю только. И батарейки для фаллоимитаторов у меня есть. Юмор у нас с Вами слишком разный. В этом дело, а не в фаллоимитаторе...

– Это ведь опять не моё.... «Наутилус-Помпилиус»..... я опять неудачно симпровизировал. Что-то у меня совсем настроения нет...

– С таким настроением лучше самому справляться, а не ждать, что кто-то исправит.

– Не дуйтесь... Просто вы «зрите в корень», а я вам стихи....а они в воздухе... Где мои крылья, которые нравились мне....Вы, наверное, статьи о семейных ценностях пишете?

– Почему вы так решили?

– Потому что о семейных ценностях пишут те, у кого их нет...Кругом тупость, не только в «семейных ценностях», не переживайте, вы не одиноки в своей безответственности....

– А не пойти ли вам с вашим назиданием, Лев?

– Это лозунг вашего журнала? – Он улыбнулся и потер глаз, словно хотел очистить заросший травой уголек. – Это как вольноопределяющийся Марек издавал журнал про животных и придумывал новые виды...

– Интересно как бывает, – справилась я с раздражением, –

словно живем в пересекющихся мирах. Я вас не понимаю, ни ваших намеков, ни аллюзий, ни юмора... Чудно...

– Это потому что в вас столько наносного, что вам не свойственно... я не удивлюсь, если в душе вы «целка»

– И что же такое целка в душе?

– С вами не интересно, вы не откровенны... Простите, но в вас постоянная фальшь, когда вы говорите. Так, вроде баба нормальная... В широком смысле...

– Спасибо. Мне всю жизнь указывали на чудовищную прямолинейность и неумение фальшивить как главный недостаток, он же достоинство. И только вы разглядели чего-то новенькое. Забавно...

– Я же мужик, а не мудака.

– И часто вам приходится всем об этом напоминать?

– Вот язва...

Он вернул очки лицу и посмотрел на меня погасшими угольками глаз, которым даже стекла не придавали блеска.

– Вы похожи на сожженную скрипку, Лев.... Очертания еще есть, но уже не сыграть...

– Да, – кивнул он. – Тяжело мне будет вас обмануть...

– А надо?

– Если б я знал, что мне надо..., – Он отвернулся к окну. – Хочу снег... А в городе том сад... в нем травы да цветы... Жизнь прекрасна своими неожиданностями...

– Знаете, мне пора. Было очень приятно...

– Подождите! – Вскинул брови над очками Лев. – Поедем

вместе. Нам же по пути. Я живу на Проспекте Мира.

В метро мы ехали молча. Я держала поручень, Лев поддерживал меня за локоть, свесив большую голову на грудь. Было неловко молчать, но говорить не получалось.... На Тургеневской я вспомнила, что так и не задала вопрос, почему музей изобразительных искусств носит имя поэта. Уже не задам. После слов «следующая станция Проспект Мира», рука Льва переползла с локтя на талию, и он шепнул в мое музейное ухо:

– Зайдешь?

– Нет... – Ответила я тоже шепотом, почему-то представив гриф сожженной скрипки...

– На нет и суда нет..., – сказал он бесцветно и вышел из вагона, мелькнув в толпе бордовым шарфом...

Энергия желания

Этот рейс на Москву и так был поздним, да еще задержали почти на час. Я заняла крайнее к проходу место в пока еще пустом ряду, надеясь, что рядом не окажется храпун или вонючка, или, чего доброго, два этих везения одновременно. Лететь почти четыре часа... Крупный мужчина в джинсовом костюме навис надо мной мыслящей тучей. Разбирая буквы и цифры в шифре посадочных мест, он, то поднимал на лоб, то опускал очки. Наконец, крикнул кому-то позади себя:

– Вот наши места!

Пропустив вперед двух женщин, одну с ребенком на руках, и подростка, радостно кивнул мне:

– Вместе полетим!

Я встала. В мой ряд нацелилась женщина без ребенка – непропеченная блондинка с формой тела «лампочка накаливания»: покрашенный цоколь – матовые плечи – попа, и подросток лет пятнадцати, заткнутый наушниками и похожий на всех в своей популяции, кроме родителей.

– Садись к окошку, – приказала блондинка подростку, и тот, кивнув в ритм, одним прыжком оказался в кресле.

Блондинка суетливо угнездилась рядом и полезла в сумку.

– Сережа, возьми ему платок, – повернулась она к джинсовому мужчине, устроившемуся за нами.

– Да у него сухой нос! – Возразил мужчина.

– Возьми! – Потрясла платком за головой блондинка.
Мужчина вздохнул и взял платок.

Сонные ночники, моргая, посматривали за вялым рассаживанием пассажиров. Самолет дремал, сотрясаемый запикиваемой ручной кладью и ерзающими задами. Я уже предвкушала полет над бесконечностью... Только представить – подо мной будет десять тысяч километров черной бездны! Дух захватывает! Хорошо, что не случилось рядом вонючки, но плохо, что далеко от окна. Появится ли рассветное солнце к концу полета? Наверное, нет – время первый час ночи... Не успеет. Жалко...

– Я к маме хотю! – Пискнул ребенок возле моей коленки.

Белобрысый малыш лет трех, пыхтя, протиснулся по моим ногам к блондинке и залез на нее.

– Когда мы полетим, ты будешь сидеть с Надей! – Строго сказала блондинка.

– А я хотю с тобой!

– Со мной нельзя.

– Потому?

«Вас приветствует капитан корабля...» – раздалось сверху, и ночники перестали подмигивать, превратившись в серьезные светильники.

– Когда дядя командир разрешит вставать с места, тогда и придешь ко мне, хорошо? – Блондинка сняла с коленей

малыша и чмокнула его в щеку. – Иди к Наде.

Ребенок обиженно пропыхтел по моим ногам в противоположную сторону. Блондинка, озираясь в поисках ремня безопасности, крикнула в проход:

– Сережа, возьми его!

– Девушка! – Услышала я за спиной мужской голос. – Вы не хотите поменяться местами с нами? Вам здесь будет удобней. А то он так и будет туда – сюда.

Я обернулась. Джинсовый отец виновато улыбался.

– Он такой беспокойный ребенок! А тут, зато возле окошка можно.

– Конечно. – Согласилась я. – Спасибо.

– Это Вам спасибо! – Он встал, чтобы пропустить меня.

Пробираясь к своему новому месту, я заметила вторую женщину, сидевшую с беспокойным ребенком на следующем ряду.

«Три ряда для семейства купил, что ли?» – удивилась я.

– Такие места были, – ответил он, перехватив мой взгляд, снова виновато улыбнувшись. Странный...

Я с удовольствием устроилась у окошка. С джинсовым отцом нас разделяла пустота синего места с серым подголовником. Можно положить на сиденье что-нибудь и не воевать локтями с соседом за место на подлокотнике. Красота! Еще бы рассвет увидеть....

Самолет все быстрее пересчитывал бетонные стыки, вжи-

мая в кресло и закладывая уши ватой земного притяжения. Наконец, он оторвался от земли, и приклеился к небу, как сосалка «взлетная» к небу... Взлетная полоса превратилась в линию, в полоску, в воспоминание и увязла в черноте. Живыми и светящимися были только мы – пассажиры полупустого самолета, пробиравшегося вслепую сквозь ночь.

Ощущение, что на меня смотрят со стороны третьего кресла, заставило повернуть голову. Джинсовый отец тут же уткнулся в журнал. Я стала рассматривать мужчину. Густые, темные волосы. Загорелый, чисто выбритый. Крепкое тело человека, состоявшего со спортом в более тесных, чем дружба, отношениях, но делавшего это последний раз лет десять назад. Я видела, что, делая вид, что читает журнал, он видел, что я его вижу, и я видела, что ему приятно это видеть. В полпервого ночи такая фраза простительна даже мне – отдохнувшей даме с гуманитарным образованием. Мужчина мне нравился. Я не могла пока понять, чем... Глупость какая... Чужой человек...

– Папочка! – Малыш вдруг оказался у него на коленях. Мальчик был похож на мать, пухлый, светловолосый, голубоглазый и такой же непропеченный. Он спросил громким шепотом, глядя на меня:

- А кто эта тетя?
- Это тетя с нами летит домой.
- Она с нами будет зыть?

– Нет, сынуль, у нее свой дом.

– А почему?

Малыш посмотрел на меня со взрослой симпатией, и, сразу застеснявшись, спрятался за отца, подглядывая одним голубым глазом. Вот так мужчина в мальчике незаметно и прорастает, – подумала я. Отец погладил малыша по голове. Смотреть на мужчину с ребенком на руках было приятней, чем на женщину с тем же ребенком на руках. «Потему?»

– Потому, пап? – Поддержал меня малыш.

– Что почему?

– Потому у тети свой дом?

– Потому что у каждой тети есть свой дом. Тем более у такой красивой тети.

Я видела, как мужчина улыбнулся, не поворачивая головы. Я тоже улыбнулась.

– Сережа, отдай ребенка Наде. – Послышался голос его матери, повернувшейся к нам вполоборота. – Ему пора кушать.

Отец глянул на меня растерянно, мол, что поделаешь, она мать, надо слушаться, и сказал сыну:

– Ну, иди, сейчас кушать будешь.

– Я не хотю кусать! Я хотю с тобой!

– Ты и так со мной, малыш. Иди к Наде. – Он снял ребенка с колен и передал назад. Бросив смущенный взгляд на меня, он снова уткнулся в журнал. Я уже не сомневалась, что нравлюсь ему. Он мне тоже нравился. Его крепкая фигура и его

тембр голоса и ироничная интонация, и не знаю, что еще... что-то такое. ... Вот мужик попал – подумала я, представив себя на его месте. И не пофлиртуешь посреди семейства.

– Пап, флэшку дай, – обернулся непохожий на родителей подросток, обнаружив неожиданный бас.

– Какую флэшку?

– Ты брал, в кармане у тя лежит.

Мужчина пошарил в кармане, привстал с кресла, чтобы передать флэшку, и, не утерпев, посмотрел мне в глаза. Меня пробило его желанием от серого подголовника до синего сиденья – ох, ни фига себе и залежи там! У меня даже ладони вспотели! Он снова сел, спрятавшись в журнал, а я стала думать, что делать, когда никто не виноват и когда нельзя, но очень хочется... Порывшись в сумке, я нашла визитку конторы по вызову такси. Рядом со слоганом «мы доставим вас с удовольствием» написала свой номер телефона и, тронув мужчину за локоть, протянула карточку. Он посмотрел на меня непонимающим взглядом:

– Что это?

Я приложила к уху козу из большого пальца и мизинца как телефонную трубку. Его сначала непонимающие, а затем заговорщицки улыбнувшиеся глаза ответили мне. Он сунул визитку в карман рубашки, и опустил голову, словно хотел зарыть ее песок. «Зря я это сделала, – ошпарило меня запоздавшим кипятком. А вообще, лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть!» – подбадривала я себя, но старалась

больше не смотреть на него и его семейство.

Я смотрела, как серое крыло самолета режет черноту ночи и чувствовала ухом полный желания мужской взгляд со стороны третьего кресла.

К концу полета рассветное солнце все же успело осветить сферический край земли долгожданным зелено-рыже-малиновым светом. Я наслаждалась зрелищем, втиснув лоб в стекло иллюминатора. Это неземное свечение – Энергия Желания, питающая все живое, которая становится видимой только на рассвете и только с высоты десять тысяч километров над бездной... Мне повезло...

По «рукаву» я шла впереди семейства, хваля себя за то, что, послушавшись интуицию, надела каблуки. Мой вид сзади на каблуках еще в состоянии впечатлить любого отца семейства. Взгляды джинсового отца на моей джинсовой попе держались двумя горячими карманами. Один раз я аккуратно обернулась, но он, поправив спящего малыша на плече, сразу отвел взгляд. Непропеченная блондинка видимо, планировала будущее. До меня доносились лишь глаголы «позвонишь», «поедешь», «заберешь»...

На паспортном контроле из девяти будок работало четыре. Я встала в очередь к девушке, которая шевелилась бодрей остальных. Мужчина с сыном встал за мной.

– Сережа! Иди сюда! – Приказала блондинки из другой

очереди.

– Ну, здесь меньше народу, Лен.

– Иди сюда! – Повторила она.

Сережа со вздохом отошел от моей попы... Карманы остыли. «Конечно, он не станет звонить. И вообще ничего не станет...» – подумала я с сожалением, вспомнив, как бережно он держал спящего малыша на плече....

Мой разбуженный перебросками чемодан уже сиротливо катался на багажной карусели. Я забрала его, оглянувшись в последний раз. Просто так... Семейства не было. Ну и ладно..., – смирилась я и ушла, не оборачиваясь.

Прошло больше двух месяцев. Я почти забыла об этом приключении, когда показавшийся мне знакомым мужской голос в трубке произнес:

– Здравствуйте, извините, не знаю, как Вас зовут. Вы написали только телефон...

– Здравствуйте. Ничего, я Вас тоже не знаю, – ответила я, мучительно вспоминая, где я слышала этот голос.

– Ваше такси. Мы доставим вас с удовольствием, – смущенно засмеялись в трубке.

Я сразу вспомнила джинсового отца, который взглядом прожигал мне ухо в самолете и нагревал карманы на попе. Вспомнила, как он гладил по голове малыша, и как я дала ему телефон.

– Не думала, что вы позвоните, Сергей, – честно призналась я.

– Да я и сам не думал... Я рад, что вы узнали меня. И смею надеяться, узнаете еще, – он хмыкнул. – Как Вас все-таки зовут?

– Татьяна.

– Очень приятно. Давайте встретимся?

Он был в том же джинсовом костюме, или в другом, но таком же. Такой же загорелый и чисто выбритый. Тусклые подмигивающие светильники под потолком кафе напоминали те, самолетные. Казалось, сейчас сверху скажут «Вас приветствует командир корабля...» и кафе, зазвенев посудой, покатится по брусчатке, пересчитывая стыки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.